

ИТИКА, КУЛЬТУРА

Светлана

Да, они встречались только три раза — герой Отечественной войны, герой боев под Смоленском и Вязьмой, генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин и великий советский писатель Михаил Александрович Шолохов. Увы, только трижды. Но это, судя по всему, были памятные для бесстрашного военачальника и знаменитого художника слова встречи.

Мне рассказывали о них 15 лет назад сам генерал М. Ф. Лукин, когда он был у нас в редакции «ЛГ» военным консультантом, так сказать, на «общественных началах», и совсем недавно — его дочь Юлия Михайловна.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Жарким утром в июле 1941 года на командный пункт (КП) командарма-16 позвонили из полуправления Западного фронта:

— Михаил Федорович, командующий генерал Конев просит передать, что скоро к вам приедут гости нашего фронта — три известных советских писателя...

— Кто именно? — спросил Лукин.

— Шолохов, Фадеев, Петров. Комфронт просит уделить им внимание и, конечно, обеспечить их безопасность...

— Так-так, — ответил командарм, невольно размышляя о том, что сейчас идут жестокие бои, враг, не считаясь с потерями, все прет и прет, а тут, хочешь не хочешь, любезно принимай литературу... Но что поделаешь? Приказано, значит, надо!

Спустя несколько часов на командном пункте командарма-16 появились Михаил Шолохов, Александр Фадеев и Евгений

Шолохов увел генерала в свою комнату и здесь впервые выслушал рассказ о ранении и четырехлетнем фашистском плене... Писатель был предельно внимателен, задавал вопросы, уточнял обстоятельства и в конце концов попросил:

— Михаил Федорович, разрешите мне описать вашу судьбу в романе «Они сражались за Родину»...

— Пожалуйста, если это вам интересно...

— Спасибо! Но для этого нам с вами надо серьезно, обстоятельно поработать. Вот почему я приглашаю вас в гости к себе, на Дон, в станицу Вешенскую.

С того дня генерал начал готовиться к новой встрече с Шолоховым. Работал в Подольске, в Центральном архиве Министерства обороны СССР, подбирая документальные свидетельства о сражениях 16-й армии сначала на украинской земле, потом под Смоленском и Вязьмой.

Обстоятельно готовился Лукин к поездке на Дон, но так уж случилось, что смог туда отправиться лишь спустя два года.

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

23 марта 1964 года генерал Лукин, держа путь в Вешенскую, прибыл в Ростов и к своему удивлению увидел на вок-

Наум МАР

Под Смоленском, на Дону, в Москве...

Три встречи М. А. Шолохова с командующим 16-й армией генерал-лейтенантом М. Ф. Лукиным.

Петров. Познакомились. И тут же зашел разговор об обстановке на фронте.

— Трудная, точнее говоря, тяжелая для нас обстановка, — сказал Лукин.

Шолохов был мрачен и спросил напрямик:

— Почему это наша армия все время отступает, товарищ генерал? До каких пор такое будет продолжаться? До войны говорили — будем бить врага малой кровью и на его территории, а в действительности что получилось?

Лукин хранил спокойствие:

— Мы делаем все, что можем и даже сверх того. Народ наш проявляет чудеса героизма, но пока, на этом этапе, превосходство противника очевидно. К нам приходит новое пополнение, и я с большой в сердце бросаю его в бой, как солдату в печь. Пополнение прибывает необстрелянным, плохо обученным, психологически неподготовленным к войне, — вот еще почему мы сейчас несем тяжелые потери. Извините за откровенность, но и литература наша, видно, многое недоделала в военно-патристическом воспитании людей...

Шолохова этот упрек, было заметно, задел. Он не стал, однако, спорить с Лукиным, который продолжал:

— Впереди нас ждут новые испытания, лишения и беды. Но что бы ни происходило, как бы долго ни длилась эта война, все равно мы разгромим фашистскую Германию. Вот увидите!

— Тогда спасибо вам, Михаил Федорович, — сказал Шолохов. — Я запомню этот разговор и обещаю вам: в День Победы, когда он наступит, непременно вспомнить генерала Лукина, который сейчас, летом 41-го, в этот трудный день начала войны, высказал такую неколебимую веру в нашу Победу!

Шолохов сдержал обещание: на приеме участников Парада Победы в Кремле 24 июня 1945 года он поднял бокал за отважного генерала.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

В начале шестидесятых годов группа ленинградских рабочих — старых путилевцев, земляков знаменитого слесаря Давыдова из «Поднятой целины», по приглашению М. А. Шолохова отправилась к нему в гости, в станицу Вешенскую. Я ездил с ними. Это была интереснейшая поездка, я храню давние записные книжки и при случае еще напишу о ней. Я хорошо помню, как во время беседы в цветущем саду Шолохов говорил о войне, мужестве и отваге наших воинов, о памятной встрече на фронте с генералом М. Ф. Лукиным. И тогда же, я слышал, он с печалью сказал путилевцам:

— С тех пор прошло уже двадцать с лишним лет, а я, к сожалению, до сих пор ничего не знаю о судьбе генерала... Может быть, он все-таки жив?

Вскоре после этого Михаил Александрович лечился в Москве, в военном госпитале. Отрадно за вечерним чаем речь зашла о трудовом начале войны, и наконец Шолохов получил ответ на давно мучивший вопрос:

— Жив, жив Лукин! Вышел в отставку и живет здесь, в Москве. Это я точно знаю, ведь он мой сосед, — сказал генерал П. Ф. Москвитин.

— А позвонить ему можно? — обрадованно спросил Шолохов.

— Конечно! Вот вам номер его телефона...

Через полчаса Лукин уже был в госпитале. Они беседовали долгих шесть часов.

зале большую толпу людей, которая, оказывается, встречала... его самого. Был здесь, естественно, и Шолохов.

— Все хорошо, Михаил Федорович, — сказал дорогому гостю писатель. — Но у нас уже весна, все кругом развезло и в Вешенскую сейчас дороги, увы, нет. Поживем под Ростовом. Здесь поселимся и поработаем. Согласны? Вот и отлично...

Добрую неделю шла работа. И вся беседа от начала до конца стенографировалась. Но стенографистки, видимо, записывали лишь то, что рассказывал генерал, опуская вопросы, замечания и комментарии писателя. Может быть, так просил Шолохов? В стенограмме более ста машинописных страниц и, естественно, всю ее воспроизвести в газете невозможно. Вот почему я беру из нее лишь некоторые, особенно яркие фрагменты.

— 16-я армия, которой я тогда командовал, была сформирована в 1939 году и в мирное время дислоцировалась в славно-м Забайкальском военном округе, — рассказывал М. Ф. Лукин. — Примерно за месяц до начала войны я получил приказ Генштаба выехать в Москву с боевым расписанием войск... Здесь мне сообщили, что армия должна сосредоточиться в районе Бердичев—Винница—Прокурор — Старо-константинов — Шепетовка и поступить в распоряжение командования Киевского особого военного округа... Вскоре я прибыл в Киев, и с командующим войсками округа, генерал-полковником М. П. Кирпоносом мы откровенно поговорили по поводу обстановки на Западе. Вывод был один: война неизбежна. Генерал-полковник сказал, что ему следовало бы занять укрепленные районы, двинуть войска к границе и вернуть с полигонов свои части. В этом ему, однако, отказали, пытались его убедить, что никакой войны не будет...

Война все же началась... Прибывший на Украину начальник Генштаба Г. К. Жуков приказал нашей 16-й армии быть в распоряжении Ставки и, закончив сосредоточение, двинуться на запад через Шепетовку, Ровно и далее, пока хватит сил... Но на шепетовском направлении наших войск не оказалось.

...К этому времени в район Шепетовки подошли разведывательные части врага. Зная, что здесь находятся большие склады всех видов боевого снабжения, Лукин естественно, не мог без боя оставить Шепетовку противнику. Чтобы все унести, требовалось громадное количество вагонов, которых не было. А тут с фронта из частей приезжают за снарядами, патронами, консервами, мукой...

— Так волею судеб я превратился из командарма в... начальника снабжения. Любопытно, что гитлеровцы в течение той памятной недели не бомбили нас, рассчитывая, видимо, захватить богатые шепетовские склады со всем добром, — вспоминал Михаил Федорович. — Обстановка усложнялась. 109-я мхдивизия вела упорные бои с превосходящими силами противника и несла большие потери. Ее командир полковник Н. П. Краснорецкий был тяжело ранен... В это время через Шепетовку проходила свежая, только что отоблизванная стрелковая дивизия, и я подчинил ее себе. Стало немного легче — все-таки теперь станцию защищали две, а не одна дивизия. Кроме того, офицеры моего нового, импровизированного штаба, посланные на все дороги встречать отходящие части, доложили, что они уже собрали около двух полков пехоты и до трех дивизионов артиллерии...

Но вот поступил приказ направиться мне в Смоленск, и, прибыв туда, я отправился с докладом к командующему Западным фронтом маршалу С. К. Тимошенко.

— В Смоленске шли кровопролитные бои, — продолжал М. Ф. Лукин. — Враг вводил в бой все новые силы. В ночь с 15 на 16 июля он смял наши слабые части и на их пеплах ворвался в южную часть города. Что делает командовавший оборонной полковник Малышев в этой критической обстановке? Взрывает мосты через Днепр. Тогда, в те трудные дни, признаться, все ругали Малышева за «самовольный взрыв». Ругали его, грешным делом, и я. Но оценивая ту обстановку в Смоленске сейчас, 23 года спустя, считаю, что Малышев этим взрывом, быть может, даже не создавая всей его важности, оказал огромнейшую услугу всем армиям Западного фронта. Ведь у меня, командарма-16, тогда в резерве не было даже одной-единственной роты, чтобы как-то оборонять мосты через Днепр...

Я узнал об этом глубокой ночью, и вместе с моим верным боевым товарищем, членом Военного Совета 16-й армии Лобачевым мы отправились пустынными ночными улицами к мосту... В городе стояла зловещая тишина. Даже не верилось, что часть Смоленска занята врагом.

Мы с трудом разыскали подразделения Малышева и Бунашина. Измотанные до предела солдаты спали мертвым сном, и все же я приказал поднять их «по тревоге», немедленно занять дома и постройки у самого берега реки и сейчас же открыть огонь, чтобы противник знал, что этот берег занят нами. Сделали мы это дело и вместе с Лобачевым сели у развилки — думаем-гадаем, где взять хотя бы один стрелковый и один артиллерийский полки, чтобы не дать немцам переправиться через Днепр? И, представьте себе, тут произошло чудо, в которые я, признаться, никогда не верил. Откуда ни возьмись передо мной появился неведомый мне генерал-майор.

— Вы кто? — спросил я его.

— Командир 129-й стрелковой дивизии Городнянский Авксентий Михайлович.

— А где ваша дивизия?

— Здесь, неподалеку в лесу, два стрелковых и один артиллерийский полки. Я вышел на развилку дороги, чтобы встретить полки, и неожиданно увидел вас...

Оказывается, дивизия входила в 19-ю армию, которой я командовал чуть больше месяца, передав 16-ю армию генералу Рокоссовскому. 19-я армия после жестоких боев за Витебск отступала на восток. Генерал Городнянский внимательно выслушал то, что я сообщил ему об обстановке, и сказал:

— Приказывайте!

Его дивизия вступила с ходу в бой, великолепно показав себя в сражении за Смоленск и восточнее города...

...Борьба за Москву решалась тогда и в Смоленско-Вяземском сражении, на дальних подступах к столице. Москву тогда, как известно, немцы так и не взяли, оказавшись здесь лишь в плену, под надежной охраной наших бойцов. Значит, Смоленское сражение в 1941 году мы не проиграли, а выиграли, хотя временно и уступили часть местности врагу. По-моему, это было важное стратегическое достижение 16-й и других наших армий. Так я, Михаил Александрович, понимаю высший смысл битвы за древний Смоленск, который и на сей раз, в 1941 году, как и раньше не раз бывало, показал себя молодцом, верным стражем Москвы, настоящим русским солдатом...

Потом генерал поведал М. А. Шолохову, как, находясь в окружении, отчаянно сражался его армия, как он был тяжело ранен, потерял сознание и попал в фашистский плен, как Гитлер и Геббельс подсылали к нему в тюрьму предателя Власова, пытались сломить Лукина.

— Пришло же мне выгнать этого подонка, извините, крепкими русскими словами. И еще тогда я, кажется, запустил в него сапогом... Что было — то было, — уточнил Михаил Федорович, рассказав наконец и о том, как после всех тяжелых испытаний вернулся на Родину, домой, в Москву.

...Неделю длилась эта поистине волнующая работа. Шолохов в конце сказал:

— Я уже знаю, кем вы будете представлены в романе «Они сражались за Родину». Если не возражаете, то станете одним из братьев Стрельцовых...

— А почему не под моей фамилией? — полюбопытствовал генерал.

— Вас, Михаил Федорович, все равно сразу все узнают, — ответил писатель.

Михаила Александровича интересовали все подробности одиссеи генерала Лукина. Шолохов потом не раз объяснял поддержку в работе над романом «Они сражались за Родину» и тем, что он встретился с генералом Лукиным, человеком, как сказал писатель, героической судьбы, узнал от него много нового, важного.

Стенограмма заканчивалась сухой справкой генерала о том, что в 1951 году он был восстановлен в партии, в которой состоял с 1919 года...

Признаться, я не раз и не два с волнением перечитывал это редкостное свидетельство войны и литературы. Перечитывал, прежде чем окончательно поставить точку в своем рассказе. И тут мне неожиданно позвонил инвалид Отечественной войны майор Ростислав Владимирович Платов. Он пригласил меня посмотреть существующий пока в единственном экземпляре документальный телефильм «Командарм Лукин», который стал его дипломной работой на факультете журналистики МГУ.

И вот я у Платова. На маленьком домашнем экране снова вижу и слышу живого Михаила Федоровича Лукина, которого с мая 1970 года, увы, уже нет среди нас. Фильм невелик, демонстрируется всего лишь 25 минут, но очень интересен. Интересен и тем, что в него вошли уникальные кадры встречи генерала с М. А. Шолоховым.

Вот так неожиданно для меня завершилась работа над газетным очерком о трех неожиданных встречах героя войны и великого писателя. Бывает ведь такое...